

Пролог

Суббота, 1 апреля

— Стойте там, где стоите, — приказал мужской голос, в котором дрожало волнение. Веру толкнули, она ударилась о стену плечом. Между каретными воротами и решеткой, загораживающей внутренний дворик особняка Шенизо, было тесно, серо, но не темно. Устрашающие пики решетки казались ровным рядом конвоиров, но сквозь них проникал дневной свет.

Будь Вера чуть внимательней, обнаружила бы слежку еще в парке Тюильри.

Часом ранее.

Сияло солнце, по брусчатке ползли длинные тени от зданий, всюду цвели магнолии. В Париж пришла весна. Только что отгремели все забастовки и на улицах воцарилась привычная суета. Праздные посетители кафе заняли свои столики на тротуарах под красными маркизами, в парки, музеи, галереи вернулись туристы и любители прекрасного, с обочин стали убирать мусор — этим заведовала частная компания, поэтому город мечты почти не пострадал.

Впервые за несколько дней Вера Максимова вышла прогуляться. График ее работы был довольно плотным — нужно периодически проветривать голову, иначе мозг просто взорвется от постоянных опросных бесед, которые она проводила. Неплохо бы успеть посмотреть, как отцветают последние магнолии в са-

ду Тюильри. Но в субботний полдень там толпилось столько туристов с фотоаппаратами, что пришлось ретироваться.

За полгода жизни в Париже, успев познакомиться со всеми закоулками и интересными местами города, Вера научилась обходить наводненные туристами точки. Быстро пройдясь по аллее Тюильри, сфотографировав пару деревьев на смартфон, она повернула к воротам и двинулась в сторону Шатле. Раньше, когда она была блогером, проторчала бы здесь, снимая сторисы и рилсы, не меньше часа. Но шеф отучил от блоггерства, показав, как за пару минут можно взломать любую страничку в соцсети.

Шагая по набережным и подставляя белое после зимы лицо солнцу, сняв берет и встряхнув светлые, чуть взлохмаченные волосы, наслаждаясь первой зеленью и запахом прошедшего утром дождя, она представляла, что впереди ее поджидает какое-нибудь безумное приключение.

Париж, тепло, весна – пора любви... Должно случиться что-то интересное! Не все же время корпеть с графиками по корпоративному профайлингу, высчитывая для компаний более подходящие кандидатуры на должности. Детективному бюро, в котором она работала психологом с осени прошлого года, давненько не попадалось какое-нибудь заковыристое дело с головокружительной историей.

Но, как говорится, бойтесь ваших желаний, они иногда сбываются.

Целью Веры был остров Сен-Луи в центре Сены, по каким-то непонятным причинам не облюбованный туристами, практически всегда пустынный, застроенный домами, которые застали еще времена мушкетеров. Сюда не водили своих подопечных экскурсоводы, хотя место очень живописное, наверное, потому, что слишком длинный у Парижа список из разряда «must

се», туристы просто не успевали сюда попасть. Тихие улочки, густо застроенные особняками семнадцатого-восемнадцатого веков, — что может быть лучше для любительницы романов Александра Дюма, а еще больше — его экранизаций!

Свернув на улицу Мадам без головы, названную в честь действовавшего давным-давно кабаре, Вера, блаженно улыбаясь, разглядывала уже ставшие знакомыми маленькие кафе, лавочки, сапожные мастерские и пекарни, которые перемежались с большими арочными, старинными каретными воротами. Порой стены были увиты сочно-зеленым плющом, встречались богатые особняки в стиле барокко и рококо с ажурными коваными балкончиками, каменными маскаронами и химерами, которые выглядели так устрашающе, что казалось, по ночам они оживают, летая над крышами Парижа.

Больше всего Вера любила стоять у отеля Шенизо — жемчужины острова. Скоро здесь откроют музей. Интересно было подсматривать в приоткрытые двери за реставрационными работами. Иногда ей удавалось увидеть, как вносили запакованные в плотную пластиковую пленку скульптуры и картины. Когда ворота были заперты, открытой оставалась калитка в них, подпертая мусорным ведром, из которого торчали использованные банки из-под краски и старые кисти. Калитка манила приглашающим жестом, и Вера стояла в шаге от порога, борясь с искушением войти.

И она не заметила, как темная тень скользнула в эту калитку в тот самый момент, когда она, задрав голову, разглядывала балкон. Она вся провалилась в созерцание и фантазии о том, как было бы чудно стоять здесь в пышном платье, с напудренным париком на голове, в цветах, и в это время кто-то больно схватил ее за руку и грубо втянул в ворота особняка.

Сжав в одной руке телефон, на который она собиралась запечатлеть красивый балкон, в другой — сумочку и берет, Вера приготовилась к обороне. Между воротами и решеткой, перегораживающей внутренний дворик, к стене прижимался некто, одетый так, что Вера сначала приняла его за Эмиля — своего шефа. Темная толстовка с капюшоном, опущенным на лицо, черные джинсы, темно-синие кеды «Конверс». Но голос незнакомый — густой, благородный, чуть дрожащий.

Чуть подсказывало, что это не грабитель, а очередной клиент, который предпочел остаться инкогнито, не идти в бюро открыто, а подкараулить кого-нибудь из сотрудников.

— Я могу вам помочь? — спросила Вера, но сумочку она все еще крепко прижимала к груди, в любую минуту готовая защищаться ею.

— Помочь! — повторил тот рефреном не то в насмешку, не то оттягивая время, потому что не решался начать разговор. Кажется, он был сам до чертиков напуган своим поступком. И, возможно, уже пожалел о нем.

— Вы же в бюро Эмиля Герши хотели обратиться? — высказала свое предположение Вера.

Послышался нервный смешок.

— А вы очень быстро догадались о моем намерении, — ответил грабитель.

У него был легкий акцент, скорее всего американский или британский. За полгода в Париже Вера научилась улавливать множество оттенков в речи горожан космополитичной французской столицы.

— Наверное, вы и сами догадываетесь, что догадываться — мой основной род деятельности, — скаламбурила Вера, скривив улыбку, и убрала телефон в сумочку, громко щелкнув магнитной застежкой. —

8 Зачем было хватать за руки и втягивать сюда? Неужто

на вас дух острова Сен-Луи так подействовал? О эти времена мушкетеров, злых кардиналов и прекрасных дам, роняющих на мостовые платочки...

Что она несет! Вера заметила, что ее пальцы, которыми она наглухо застегивала песочного цвета тренчкот, слегка дрожат, пуговицы не попадают в петли. Все-таки она знатно перепугалась.

— Что вам надо? — спросила она, туго затянув пояс, будто это помогло бы оказать должное сопротивление, надела берет и сделала шаг от стены.

— Нет! Стойте там, — едва не взвизгнул незнакомец, нервно выпростав руку. Вера отметила, что руки у него были похожи на эмилевские — такие же тонкопалые, сухожилые.

И ее сердце забилось немного сильнее, хотя куда же еще, оно и так норовило выскочить из груди.

Ей опять на секунду показалось, что это Эмиль решил ее разыграть и говорит нарочно измененным голосом, добавив акцент! Ведь сегодня было первое апреля, а во Франции День дурака отмечался с особым размахом. Можно сказать, что праздник изобрели французы. Полгорода ходило с рыбками на спинах, вырезанными из цветной бумаги и приклеенными на скотч, все стараются друг друга поддеть и на чем-то подловить. В России говорили: «У вас вся спина белая», а во Франции — «У вас рыба на спине». И повелось здесь поздравлять друг друга с апрельской рыбой аж с шестнадцатого века, с тех пор как папа Григорий XIII ввел в обиход новый календарь и празднование Нового года переехало на первое января. А те, кто продолжал отмечать его первого апреля, конечно, тут же были записаны в дураки.

— Сегодня тот день, когда мы вспоминаем, кто мы есть все остальные триста шестьдесят четыре дня в году. — Вера вложила в эту фразу все презрение, на которое была способна, надеясь этим вывести шут-

ника из равновесия. Она не видела лица незнакомца, и от этого ей было не по себе. Эмиль это или нет?

— Марк Твен... — озадаченно пробормотал незнакомец и еще ниже опустил капюшон, скрыв за ним даже подбородок. Нет, это точно не Эмиль, того литературной цитатой с ног не сбить. — А я и забыл, какой сегодня день! Нет... — Он захлебнулся вздохом, в котором смешались негодование и обида. — ...я не собирался вас разыгрывать. Мне действительно нужна помощь.

— То, что вы говорите со мной, отворачиваясь, — злилась Вера, — немного подбешивает.

— Я не должен быть узнан! Иначе все пропало. История попадет в газеты, и тогда...

Он не закончил, окончательно сконфузившись. Вера ничего не сказала — пусть уже сам выпутывается из этой глупой ситуации, кем бы он ни был.

— Дело в картине одного известного художника, — нарушил тишину он, промолчав почти целую минуту. — Я тот самый художник, и я не должен быть узнан.

Вера непроизвольно нахмурилась, обдумывая его слова.

— Не-ет, — протянула она, начиная догадываться. — Вы кого имеете в виду? Бэнкси? Или есть другие уличные художники, которые так рьяно хранят инкогнито?

— До чего же вы быстро догадываетесь! — нервно огрызнулся он. — Зря я все это затеял.

— Ну уж нет, — повторила Вера строго, как учительница. — Вы — не он! Хотя бы потому, что трусливо жметесь к стене, а Бэнкси исписал сотни тысяч стен, излазил столько городов и чего только не делал. Протащил слона на выставку, вешал свои картины прямо в музеях, куда и бутылку воды пронести нельзя!

— Не вам судить о...

— К тому же Бэнкси ведь не писал картин. Он писал на уличных стенах. Он художник стрит-арта!

— Вовсе нет! Были холсты и... много. Один холст я... даже продал на аукционе Сотбис.

— Зачем называться Бэнкси, когда это явно не так? — дожимала Вера.

Ее возмущало, что взрослый мужчина ведет себя как подросток.

— Я у вас помощи прошу, а не нравоучений! — слетели с его губ отчаянные слова.

— Хоть сто раз меня ты бей, но ты не Бэнкси! — Вера была безжалостна.

— Мы разве переходили на «ты»?

— Это фраза из кино, из «Истории рыцаря» с Хитом Леджером. «Хоть весь день меня ты бей, танцевать ты не умеешь». А вы не умеете притворяться. Тоже мне! Затащить барышню в темную подворотню...

— Это не подворотня, а особняк Шенизо! — оскорбился художник.

— И втирать ей, что он — Бэнкси, раздевшись как клоун.

— Да, черт возьми. — И незнакомец стянул с головы капюшон, выпрямившись. — Все, вот, глядите! Пожалуйста! Довольны?

Они замолчали, впившись глазами друг в друга.

Вера не учла одной детали: она не знала, как выглядит настоящий Бэнкси. Никто не знает, как выглядит Бэнкси.

Единственное, что она знала, — художнику около сорока. Человеку, стоящему перед ней, на вид тридцать пять — сорок. Коротко стриженные русые волосы, серые глаза, аккуратная щетина, за которой тот, видно, ухаживал. Лоб пересекали две глубокие морщины.

— И... что? — наконец сдалась Вера, не зная, как продолжить схватку.

— Вы обезоружены. — Незнакомец сжал губы, чтобы не допустить улыбки.

— Нет, это не так, — непроизвольно ответила она, хотя, как психолог, полностью соглашалась с этой сентенцией. Но сдаваться не хотелось. Ей не доказать, что перед ней был настоящий или ненастоящий Бэнкси.

— Ладно. Что за картина? Чего вы хотите? — Она набросила сумочку на плечо и скрестила на груди руки.

Вместо ответа незнакомец вынул из заднего кармана джинсов баллончик с черной краской и какую-то картонку, которую быстро развернул, приложил к стене, придерживая коленями и предплечьем. Несколько ловких нажатий на баллончик, и появилась маленькая девочка в коротеньком платьице, протягивающая руку в небо. Спрятав в кармане баллончик с черной краской, он достал красный и другой трафарет, и рядом с девочкой появился улетающий красный шарик в форме сердца.

Это была знаменитая «Девочка с воздушным шариком» Бэнкси, растиражированная на сотни тысяч шаблонов, которые появлялись сначала на стенах городов, потом успешно переехали на майки, чехлы для телефонов, школьные тетрадки, шоперы и множество других мелких предметов обихода в качестве украшения наряду со «Звездной ночью» Ван Гога, «Джокондой» да Винчи и кудрявой головой Давида работы Микеланджело.

— Картина была уничтожена самим Бэнкси четыре года назад. Вы, может быть, слышали эту историю, нет? В октябре две тысячи восемнадцатого.

— Нет, — покачала головой Вера, чуть успокоившись, потому что ее новый клиент перестал корчить из себя Бэнкси и заговорил серьезно. Они встали напротив граффити и оба смотрели, как маленькая девочка тянет руку к улетающему шарик, не то прощаясь с ним, не то желая остановить.

— На аукционе Сотбис, сразу после того, как было объявлено, что картина продана, встроенный в раму

шредер разрезал ее на мелкие полоски... Вот, — он вынул из кармана айфон, быстрыми движениями пальцев набрал в поисковике несколько слов, нажал на «плей» и протянул телефон Вере. На экране старенького допотопного пятого айфона с треснутым экраном появилось видео с аукциона: множество людей, аукционист выкрикивает несусветные цены, стучит молоточком, затем наступил момент продажи, ознаменованный его радостным криком и взмахом руки, все снимают, что-то обсуждают, но вдруг картина начинает выползать из-под рамы. И все видят, что это уже не картина, а лишь груда тонких полос...

— Я не знала об этом! — удивленно воскликнула Вера. — Неужели он сделал это?

— Он задумывал это с самого начала. Вы правы, говоря, что он художник стрит-арта, он не создает холсты. Разве только для подобных забав. Более того, он против аукционов, галерей, музеев и продажи предметов искусства. Он борется с этим. Он задумал перформанс, и он его осуществил. Этот случай люди называют поворотным моментом в истории искусства. Это прямая цитата директора женевской часовой компании «Де ла Кур» Пьера Кукджяна.

— Но что же вас не устраивает? Бэнкси просто гений! — развела руками Вера. — Он продал свою картину за кучу бабок и тут же уничтожил ее.

— Меня все устраивает, я полностью на стороне его принципов. Но картину купил мой отец.

Вера открыла рот, но совладала с собой и захлопнула его, больно щелкнув челюстью. Застонав и зажав рукой рот, она отвернулась.

— Вы удивлены? — Он обежал ее и заглянул в лицо.

— Да, теперь-то вы признаетесь, что не Бэнкси? — сквозь пальцы спросила Вера.

— Но я должен защитить его интересы!

— Так кто вы? Я не смогу вам помочь, не узнав этого.

— Я не могу сказать. Имена тех, кто покупает произведения искусства, неспроста остаются никому не известны. Вы должны это понимать! Иначе... я бы не стал просить вас об услуге подобным образом. Теперь-то вы должны понять этот маскарад, за который я... прошу прощения.

Вера приподняла одну бровь, безуспешно щупая лицо и пытаясь вернуть челюсти на место.

— Что тогда вы от меня хотите?

— Слушайте дальше. — Он поднял в академическом жесте палец, будто профессор на университетской кафедре. — Мой отец собирался приобрести его картину с самого начала, он был инициатором того, чтобы Бэнкси перенес это граффити на холст. Он знал, что с этим художником невозможно договориться, он задумает что-то экстраординарное. Его выставки всегда отличались экспрессией. Вы упомянули, что он использовал слона на выставке. Это было, кстати, в Лос-Анджелесе.

Вера хотела что-то сказать, но незнакомец сделал нетерпеливый жест и продолжил:

— Люди моего отца находились рядом с Бэнкси долгое время в качестве кинооператоров, помощников, они следили за ним. Несмотря на то, что он до сих пор сохраняет инкогнито, его достаточно легко найти и взаимодействовать с ним. В общем, в последний момент перед аукционом холст Бэнкси был подменен на копию. Мой отец увез с выставки Сотбис разрезанную копию и тут же ее уничтожил. Пока весь мир обсуждает поворот в истории искусства и величайший из перформансов, пока все гоняются за этими полосками холста или выставляют на продажу другие картины Бэнкси, которые разрезали самостоятельно, в подвале нашего замка хранится «Девочка с воздушным

шариком». Не уничтоженная, и получается, что украденная.

Вера перестала тереть щеку, брови ее взлетели от удивления.

— Вот, — незнакомец вытянул в ее сторону палец. — То же самое чувствую я. Разочарование! Именно это написано на вашем лице. Если художник пожелал уничтожить свое детище, так тому и быть. Ведь правда? Нет? Никто не имеет права ему помешать, если он решил уничтожить свою картину, будь это даже великое наследие человечества.

Вера бросила взгляд на девочку на стене и подняла глаза на собеседника.

— Может быть, сейчас бы я и поверила, что передо мной Бэнкси.

У него горели глаза совершенно особенным, праведным огнем. Это был человек творческий, несомненно, разбирающийся в искусстве, возможно, тоже художник. В том, был ли он Бэнкси, Вера засомневалась столь остро, что ей даже стало душно. Акцент английский, возраст подходящий, видно, что вращается в кругах состоятельных особ...

— Спасибо, что вы не стали осуждать мои чувства и... этот мой дурацкий поступок. — Он подался вперед и даже поднял руку, собираясь коснуться ее плеча, но не смог этого сделать из свойственной ему стеснительности, которую Вера уже успела отметить.

— Это все очень странно! — сказала она.

— Это деньги, власть, грязный мир бизнеса. Хотел бы вам сказать: «Добро пожаловать!», но воздержусь. Картину надо уничтожить. И именно тем самым способом, как было задумано. Шредером. В раме.

— Но не хотите ли вы сказать, что просите сделать это наше бюро?

— Именно это и прошу.

— Но это невозможно.

— Возможно! У меня есть план, — перебил ее нетерпеливый клиент. — В пасхальное воскресенье моя мать собирается устроить аукцион в узком семейном кругу. Она посвятит всех в тайну неунничтоженной картины, таким образом набив ей цену, и продаст... На аукционе будет присутствовать некий таинственный клиент, имя которого я так и не смог выяснить. Но человек, несомненно, важный, мать вела с ним переговоры больше года.

— А куда же смотрит ваш отец на такое своеволие жены?

— Он умер... две недели назад.

Мнимый Бэнкси опустил голову.

— Ох, мои соболезнования!

Он поморщился.

— Спасибо. Я вышлю приглашение на ваши имена, таким образом вы тоже попадете на аукцион. Но дело этим не заканчивается. Картину надо найти и вставить в раму. Где она — знает только мать. Но место выбирал отец. Ваше бюро занимается предиктивной аналитикой, профайлингом, как говорят криминалисты. Вы проникнете в его мысли, чтобы понять, куда он мог ее спрятать. Одно могу сказать — она в замке. У вас неделя, чтобы собрать нужные материалы, воспользоваться вашими волшебными профайлерскими техниками и отгадать, где картина.

Вера хотела его остановить, но он не дал ей сказать ни слова — вдруг на секунду стиснул ее плечи, отодвинул в сторону и выскочил из калитки на улицу.

Ничего себе клиент! Он не сказал, ни как его имя, ни кто его отец, ни что за замок, в котором спрятана картина. Полагает, что сотрудники детективного бюро сами должны догадываться о таких вещах?

Она шагнула из калитки, глянула налево, направо и быстрым шагом пошла в сторону набережной, чтобы

поскорее добраться до правого берега Сены и улицы Л'Эшикье, где располагалось бюро агентства Эмиля Герши. Прямо на ходу она достала телефон и принялась гуглить последние новости в поисках, кто из известных коллекционеров Франции скончался две недели назад. В принципе, незнакомец оставил достаточно зацепок.

Глава 1

День дурака

— Что? — вскричал Эмиль, отъезжая на своем космическом кресле от компьютерного стола. — Да он разыграл тебя! Сегодня же первое апреля?

— Знаю, — нахмурилась Вера. Ее терзали странные чувства — от желания, чтобы столкновение с мнимым Бэнкси оказалось шуткой, до того, чтобы Эмиль перестал делать такое кислое лицо и поверил ей. — Я целый час скролила новостные ленты, чтобы найти сообщение о смерти знаменитого коллекционера. И знаешь, что я нашла?

— Я понял! — Эмиль заломил руки за затылок, раскинув в стороны локти, и широко улыбнулся. Почему-то его лохматые, выкрашенные в иссиня-черный цвет волосы, неизменная синева под глазами на бледном лице полуночника-игромана и зеленые, как у кота, глаза сейчас начали выводить ее из себя. — Ты меня разыгрываешь.

В кабинете Эмиля Герши царили мрак, стерильность и тишина, нарушаемые лишь свечением трех огромных экранов, жужжанием нескольких блоков с процессорами и уложенными в аккуратные улитки проводами под столом из шоколадно-бурого палисандрового дерева. Окна были занавешены черными непроницаемыми шторами. У стены высились стеллажи, на полках ровными рядами стояли папки, в которых хранились триллионы распечаток скриншотов видео

человеческих лиц. Эмиль коллекционировал эмоции, он был одним из лучших криминалистов Парижа, не считая его сестры Зои, которая умудрялась прятать свое криминалистическое образование под маской гида в Лувре. Но она разбиралась в искусстве так же хорошо, как в душах маньяков, в этом Вера убеждалась не раз.

Эмиль, восседая в кресле, стал вращаться вокруг своей оси.

— Смерть основателя аукционного дома Ардитис обсуждается уже две недели на всех новостных каналах. И тебе понадобился час, чтобы это выяснить? — насмешливо спросил он.

— Знаешь ли, я не слежу за основателями аукционных домов, мне хватает наших клиентов. — И Вера кинула многозначительный взгляд на стеллажи. Корпоративным профайлингом Эмиль занимался лишь ради того, чтобы тайком снимать людей, которые не знали, что их искривленные эмоциями физиономии пополняют его коллекцию. — Но я поизучала его жизнь.

— Полагаешь, с тобой только что встречался его сын? Интересно, который? Их у него два.

— Было трое. Средний, родившийся в восемьдесят пятом, умер в восьмилетнем возрасте.

— Верно. — Эмиль усмехнулся и, подъехав к столу, открыл поисковик.

Через минуту-две молчания он стал зачитывать вслух:

— Рене Ардити, 1954 года. Предприниматель, коллекционер и меценат итальянского происхождения. На 2020 год состояние Ардити оценивалось в 12,4 миллиарда долларов, что ставит его на пятьдесят шестую строчку в списке богатейших людей планеты по версии Forbes. Родился в Париже, старший сын Анри Ардити, основателя Mousse Marine, одной из крупнейших

европейских косметических компаний. Незадолго до кризиса 1973 года Рене продал компанию отца британским инвесторам за сорок пять миллионов франков, а после кризиса выкупил обратно всего за пять миллионов. Ему тогда было девятнадцать! Можешь себе представить?

— Представляю этакого Ди Каприо из «Поймай меня, если можешь», — улыбнулась Вера.

Эмиль покосился на нее, дернув краем рта в улыбку, и продолжил читать:

— Женился на вдове знаменитого скульптора Жауме Солера, у них родился сын, через три года — второй. По совету супруги основывает коммерческое предприятие по торговле коллекционными товарами. Позже покупает маленький, не очень известный, но со столетней историей аукционный дом «Де Бижу», сливает его с несколькими инвестиционными компаниями и открывает Ардитис.

Ныне его аукционный дом стоит в одном ряду с Кристис и Сотбис. Много бабла тратит на поиск утерянных во Вторую мировую предметов искусства. Благодаря ему были найдены несколько считавшихся уничтоженными фашистами картин Густава Климта. Почти все Ардити вернул их исконным владельцам, снискав, естественно, славу великодушного богача. Им найден Ван Гог — еще одни подсолнухи в вазе, Пикассо — его «Художник» голубого периода, который вроде разбился над Шотландией, но был, оказывается, спрятан в хранилище аэропорта. Ну, про «Леду и лебедь» Микеланджело ты, наверно, знаешь. После «Спасителя» да Винчи это была самая дорогая картина, проданная на аукционе Ардитис, за всю историю искусства со времен альтамирских бизонов палеолита¹.

¹ Альтамира — пещера в Испании с наскальными рисунками времен позднего палеолита.